

³⁴ «Она воображаема, так как члены даже самых маленьких наций никогда не узнают большинство своих соплеменников, не встретятся с ними и даже не услышат о них, тем не менее, в головах всех живет образ общности» (см.: *Anderson B.* Op. cit. P. 6).

³⁵ *Чешико С.В.* Перепись населения: кого считать и как считать? // ЭО. 2000. № 4. С. 82–90.

S.V. Cheshko. Self-determination doctrine crisis

Having analyzed a wide range of problems pertaining to the right of self-determination (with reference to ethnic communities before all), the author arrives at the conclusion that there are no indisputable arguments today in favor of lobbying realization of that right. It is more productive to inculcate into the minds of people a paradigm of civil rights which would ensure at the same time realization of the rights of ethnic groups too.

© 2001 г., ЭО, № 2

С.В. Соколовский

ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (ОБЗОР)*

Проблемам самоопределения и самоуправления у коренных народов посвящено множество работ; значителен и объем специальных публикаций, освещающих российский опыт решения этих проблем, – как исторический, так и современный. Однако среди этих работ, на мой взгляд, ощущается нехватка статей обзорного характера, которые бы ориентировали читателя в растущем числе публикаций, посвященных различным аспектам этой сложной темы.

Известно, что проблемы самоопределения и самоуправления относятся к числу наиболее острых и – если говорить о ситуации с правами коренных народов в целом – до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем современного конституционного и международного права. Из всех требований коренных народов к правительствам государств и международным организациям, пожалуй, лишь попытки реализации права на землю встречают столь же упорное сопротивление властей. Причины такого положения – не только незаинтересованность правительств, политических и экономических элит в удовлетворении противоречащих их интересам требований, но и весьма устойчивые стереотипы мышления и клише, сложившиеся еще в эпоху колониализма и с тех пор мало изменившиеся¹.

Проблематика самоопределения в случае коренных народов оказывается тесно связанной с проблемами самоуправления. Низкая плотность коренного населения на территориях традиционного расселения и обычно небольшая доля среди остального населения регионов их проживания – серьезные препятствия для государственной формы самоопределения, но они не отменяют разнообразных возможностей внутреннего самоопределения, связанного с выбором формы правления. Самоуправление в этом случае становится реализацией внутреннего аспекта самоопределения. Рассмотрение и оценка международного опыта самоуправления коренных народов и являются задачами данного обзора.

Помимо практических сложностей, которые возникают при согласовании интересов

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров (грант № 00-62615-000). Вариант публикуемого текста был впервые представлен в сборнике докладов конференции по визуальной антропологии «Открытость и сообщаемость культур» (М., 1999).

многочисленных сторон, вовлеченных в процессы становления и организации самоуправления у коренного населения (правительств и администраций разных уровней, некоренных групп, затрагиваемых этой политикой, различных ведомств и организаций и т.д.), существует немало трудностей чисто теоретического порядка. Что подразумевается под самоуправлением? Должно ли оно быть всеохватным, так сказать тотальным, или целесообразно его ограничение несколькими важными для коренных народов сферами, и если так, то какими именно? Должно ли оно охватывать все население территории (различные формы местного и территориального самоуправления) или, коль скоро оно направлено прежде всего на защиту коренного населения, его границы необходимо выстраивать по этническому принципу? Как нужно поступать при столкновении в этом последнем случае интересов «самоуправляющихся» и «несамоуправляющихся» групп? Не является ли сама категория «интересы коренного населения» (как, впрочем, и интересы «населения вообще») политической фикцией, поскольку несовпадение интересов городских и сельских жителей, людей, ведущих традиционное хозяйство и национальной интеллигенции, живущих оседло и кочующих, наконец, молодежи и пожилых людей – очевидно?

Кроме того, требования самоуправления часто осуществляются с позиции неприятия ценностей и образа жизни индустриального общества, и тогда целью самоуправления становится защита традиций тех групп коренного населения, которые отвергают технократический мир современной цивилизации. Однако самоуправление в этом мире, его устройство и поддержание требуют знания и владения современными политическими технологиями, а следовательно, подготовленных кадров (политиков, управленцев, юристов, экономистов, бизнесменов и т.д.), что, по видимости, противоречит главной цели такого самоуправления – сохранению самобытности и нежеланию становиться частью этих технологий. Самоуправление с необходимостью раскалывает самоуправляющуюся группу на две части: «управленцев», взаимодействующих с «внешним миром» и становящихся, таким образом, неотъемлемой частью этого мира, в лучшем случае – посредниками, и «управляемых», чей мир и традиционные ценности призваны защищать «свои» управленцы. Стоит ли еще раз напоминать, что интересы этих двух групп могут существенно разойтись, так что «самоуправляемыми» окажутся, как часто бывает, лишь те, кто управляет, а не те, во имя которых осуществляется самоуправление.

Тем не менее есть основания утверждать, что в мире в целом и в истории России в частности существуют прецеденты решения многих из перечисленных проблем, связанных с самоуправлением у коренных народов. К сожалению, процесс накопления этого опыта в российской политической практике неоднократно прерывался, и сегодня в поисках положительных решений мы вынуждены обращаться к опыту других государств, устанавливающих новые стандарты в области обеспечения и защиты прав коренных народов. А поскольку речь идет преимущественно о положении наших северных народов, для нас важен опыт скандинавских стран, а также США и Канады. Вместе с тем не следует недооценивать и российский опыт, как исторический, так и современный, поскольку уже существуют, но остаются мало известными интересные решения отдельных проблем, связанных с организацией самоуправления у коренных народов Сибири, как, например, организация территорий традиционного природопользования, законы о статусе родовых угодий, принимаемые на уровне субъектов федерации и т.п.

Основные этапы истории самоуправления в России

Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов уместно рассматривать в контексте общей истории самоопределения и самоуправления. Именно такой подход продемонстрирован в относительно недавней публикации А.Н. Аринина, в которой отмечается, что одной из особенностей дореволюционного развития российского государства являлось то обстоятельство, что «присоединяемые» к нему

население и территории сохраняли значительный объем самоуправления. Этот аспект государственности нашел свое отражение в Русской Правде, Новгородской и Псковской судебных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном Уложении 1649 г. и Своде законов Российской империи. К 1917 г. в России был накоплен значительный опыт децентрализации государственного управления, которое организовывалось с учетом географических, социально-экономических и культурно-исторических особенностей регионов. Этот опыт позволял сохранить на обширной территории государства традиционное право и обычаи коренных народов и способствовал росту Российской империи².

Хорошо известно, что на принципах децентрализации государственного управления строилось управление народами Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Суть его заключалась в том, что каждый из этих народов имел свои традиционные органы управления, в сферу деятельности которых центральная власть не вмешивалась. Правовой режим предусматривал освобождение коренного населения от целого ряда повинностей, защищал народы от ассимиляции, поддерживал развитие их культуры, способствовал сохранению традиционного уклада хозяйства.

Еще одной формой взаимоотношений центральной власти с народами имперских окраин являлись протектораты: договоры о покровительстве с Хивинским ханством (1873 г.), о дружбе с Бухарским эмиратом и Урянхайским краем (Тувой, 1921 г.). Эта политика характеризовалась только делегированием в метрополию права внешних сношений и функций военной защиты, а также предоставлением особых прав русским купцам. Значение разнообразных форм децентрализованного управления различными регионами России состояло в том, что они обеспечивали известную степень гибкости управления, позволяя сохранять основы российской государственности.

Исследователи эволюции форм управления населением Сибири (Л.М. Дамешек, В.А. Зибарев, А.Ю. Конев, В.Г. Марченко, Н.А. Миненко, А.И. Мурзина, И.В. Островский, А.И. Парусов, Л.С. Рафиенко, В.В. Рабцевич, Л.И. Светличная и др.) выделяют несколько этапов этой эволюции – от «военной демократии», через прямое колониальное управление к управлению косвенному, а затем к религиозной интеграции и административной реформе, повлекшей усиление государственного контроля и регламентацию многих сторон жизни коренных народов. Однако большинство специалистов по истории Сибири считают, что именно устав М.М. Сперанского «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. явился первой значительной реформой, направленной на расширение самоуправления коренных народов Севера в рамках российского государства. Действительно, в этой реформе управления впервые в российской истории ставилась и решалась проблема выработки особых режимов управления для нерусских народов с иными культурами и образом жизни. Как известно, устав был ориентирован на предоставление разных форм самоуправления для выделяемых им трех категорий коренного населения³. В соответствии с § 1 Устава *«все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни»* разделялись на три главных разряда: оседлых, кочевых и бродячих – с наделением каждой категории особыми правами и обязанностями. Оседлые инородцы, т. е. *«живущие в городах и селениях»*, уравниваются *«с россиянами во всех правах и обязанностях, в которые они вступят»* и управляются *«на основании общих узаконений и учреждений...»* (§ 13), в то время как кочевые инородцы (т. е. *«занимающие определенные места, по временам года перемняемые»*) составляют *«особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления»* (§ 24). Наконец, бродячие инородцы (*«ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам»*, *«живущие в отдалении и рассеянии»*) пользуются теми же правами, что и кочевые, но с иным режимом наделения землями и освобождением от *«денежных земских по губернии повинностей»* (§ 1, 61, 62). Оседлые инородцы объединялись при достаточном числе душ в инородные волости, а кочующие и бродячие должны были управляться с помощью общинных

родовых управ, подчиняющихся инородной управе, а затем уже земской полиции и окружному суду.

На расширение децентрализации государственного управления в первом десятилетии XX в. была направлена и реформа П.А. Столыпина. Он намеревался создать в стране 11 относительно однородных в этническом и экономическом плане крупных областей, в числе которых выделялась и Степная область (Западная Сибирь). В каждой из этих областей Столыпин предусматривал создание областного земского собрания и областного правительства. Области должны были получить широкие права местного законодательства по всем предметам ведения, которые не имели общегосударственного значения. Восточная Сибирь и некоторые другие регионы (например, казачьи области, Крым и Кавказ) пока оставались вне областного управления⁴. Убийство Столыпина в 1911 г. помешало осуществлению этих реформ.

После революционных февральских и октябрьских событий 1917 г. опыт децентрализации был предан забвению. К началу XX в. коренное население столкнулось со все возрастающим давлением индустриального развития и вызываемым его потребностями притоком населения из других регионов страны. В 1920-е годы ряд этнографов (В.Г. Богораз и др.) предложили принять законы, которые бы регулировали политику в отношении коренных народов Севера. Идея проекта В.Г. Богораза состояла в том, чтобы придать районам, населенным коренными народами, статус коренных территорий по модели, близкой к американским резервациям. Однако реализация идеи общинной автономии была отвергнута. Советская власть признала за народами Крайнего Севера право на самоопределение и провозгласила их политическое равноправие, но в своей практике исходила из патерналистских представлений о «неподготовленности этих народов к созданию собственных органов самоуправления» и брала их под опеку, учреждая особые отделы и комитеты «по охране и управлению», «содействия развитию» и т.п.

В 1924 г. при правительстве России был создан Комитет содействия народам северных окраин в целях законодательной и экономической защиты интересов народов Севера. Помощь государства этим народам предполагалось продолжать до тех пор, пока каждая из малых народностей Севера «не дорастет до самостоятельности в виде самоуправляющейся хозяйственной и политической единицы». В 1925 г. законодательно закреплён список «малых народов Севера», который впоследствии послужил основой для создания известной в советском законодательстве новейшего времени группы из 26 народов⁵. Эти народы объединялись в одну группу на основании следующих критериев: 1) относительно малая численность, 2) ведение традиционных отраслей хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство), 3) образ жизни (полуоседлый, кочевой) и 4) низкий уровень социально-экономического развития⁶. Кроме того, данные народы характеризовались известным своеобразием системы ценностей, ведущим к неприятию привносимого и навязываемого образа жизни, и относительной изоляцией от административных и экономических центров. В 1926 г. правительство утвердило «Временное положение об управлении аборигенных народов и племен северных окраин»⁷ для защиты прав и интересов, вовлечения в управление, поднятия хозяйства и культурных условий жизни кочевого и оседлого населения Севера. В соответствии с ним все аборигенные народы Севера были объединены в национальные сельские советы и районы; районные туземные исполнительные комитеты (тузРИКи) объявлялись высшими органами власти в своих районах и наделялись правами юридических лиц (раздел V.28).

В 1929 г. был учрежден Ненецкий национальный округ с населением, состоявшим из 43,9 % ненцев, 28,4 % коми и 27,7 % русских. Ненцы Европейского Севера представлялись наиболее развитыми среди коренных народов Севера, и в силу этого первый национальный округ был создан именно на их территории. В 1930 г. принимается постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народов Севера», предусматривающее создание восьми национальных округов и такого же числа самостоятельных национальных районов. В основу их организации

был положен национально-территориальный и экономический принцип – по национальному признаку выделялись хозяйственно-целостные территории районов и округов. Образовываются Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий, Эвенкийский, Витимо-Олекминский эвенкийский, Чукотский, Корякский, Охотский эвенкийский округа и Катангский эвенкийский, Зейско-Учурский и Джелтуланский эвенкие, Анабарский, Булунский, Вилюйско-Мерхинский, Тучуланский и Жигинский эвенкие районы. Национальные округа вобрала в себя компактные группы коренного населения, составившие в их населении большинство.

Термин «национальный» подчеркивал, что автономия давалась именно коренному населению. Так, ненцы, энцы, нганасаны, долганы, эвенки в Таймырском национальном округе составляли 56,2 %, эвенки в Эвенкийском национальном округе – 78,3 % от общего населения. В 1931–1932 гг. в девяти национальных округах действовало 294 совета, 71,3 % депутатов в них были коренной национальности, а в Эвенкийском округе таких насчитывалось 90 %⁸. Для народов, не вошедших в состав национальных округов и районов, стали создаваться национальные сельские советы в составе территориальных районов, образовывались также новые национальные районы и менялись границы национальных образований; некоторые национально-территориальные образования были упразднены (например, в 1934 г. Охотско-Эвенкий и Витимо-Олекминский национальные округа)⁹. Начиная с 1934 г. на территориях проживания народов Севера существовало семь национальных округов.

Дальнейшее развитие национально-территориальной автономии и превращение ее в действительное самоуправление народа были приостановлены политикой складывавшегося тоталитарного государства. В 1935 г. был упразднен Комитет Севера и ликвидированы все национальные советы. Функции местных Комитетов Севера были переданы отделам краевых и областных исполкомов¹⁰. По Конституции 1936 г., администрации национальных округов стали подчиняться исполкомам областей и краев, в результате чего коренные народы лишались хозяйственной и культурной автономии. Впоследствии идея общинного самоуправления и использования хозяйственных критериев при выделении народов Севера в значительной степени была отвергнута. Государство приняло концепцию национально-территориального деления. В период с 1937 по 1957 г. в центральном законодательстве эти народы вообще не упоминались; объектами правительственной опеки стали население Севера вообще и его хозяйственная деятельность. Лишь в 1957 г. появляется постановление Совмина РСФСР № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера».

О превращении национальной автономии в обычную административную, которой обладал любой район или область, косвенно свидетельствует и тот факт, что почти все постановления, касающиеся коренного населения Севера, ставили своей целью развитие территорий проживания народов Севера, а не развитие самих народов; в результате миллиарды рублей шли действительно на развитие территории и не попадали к коренным народам. С 1962 г. была создана исполнительская вертикаль, полностью взявшая на себя функции руководства хозяйственным и культурным строительством в районах расселения народов Севера и по существу поглотившая все «самоуправленческие функции» национальных округов. В Совете Министров России появился отдел по народам Севера, которому подчинялись соответствующие отделы, образованные при Тюменском, Магаданском и Камчатском облисполкомах, Красноярском и Хабаровском крайисполкомах. В самих округах при окрисполкомах также были образованы отделы по развитию экономики и культуры народов Севера. Вопросы образования, языка и культуры решались в областных или краевых центрах без участия самих народов и учета их запросов.

Напомним, что если в Конституции 1936 г. наименование «национальный округ» сохранялось, то в Конституции 1977 г. эти округа уже назывались автономными, что должно было отразить произошедшие изменения в их этническом составе. За счет притока на Север рабочих население семи северных округов возросло с 1939 по 1959 г.

более, чем на треть (на 93 тыс. чел.). Население Таймырского и Чукотского национальных округов увеличилось более чем вдвое. В 1959 г. коряки, ненцы, эвенки, ханты, манси, чукчи составляли лишь 21,1% от всего населения национальных округов Севера. Еще резче увеличилась численность населения в национальных округах с 1959 по 1988 гг. за счет притока рабочих на промышленные объекты: с 342 тыс. чел. до 1 млн. 913 тыс. 200 чел. К 1979 г. коряки, чукчи, ительмены, ненцы, долганы, нганасаны, ханты, манси, эскимосы, эвенки, селькупы составляли в семи округах Севера лишь 14% от общего числа населения. Самый высокий процент коренного населения отмечался в Корякском национальном округе (22,6%), самый низкий – в Ханты-Мансийском округе (всего 3,2%)¹¹.

Народы Крайнего Севера, так и не достигнув реального самоуправления, когда они составляли большинство населения в своих округах, к 1950-м годам были лишены этой возможности из-за существовавшего в СССР порядка выборов (пропорциональное представительство) в местные органы власти. В 1987 г. в Эвенкийском округе депутатов-эвенков насчитывалось в сельских советах 47,4 %, в районных советах – 27,3 %, в окружном совете – 27 %. В 1988 г. в Магаданский областной совет народных депутатов от всех оленеводов-чукчей Билибинского р-на Чукотского округа был избран 1 чел., в окружной совет национального округа – 1 чел., в районный совет – 2 чел., в сельсовете из 25 депутатских мест лишь 5 были заняты чукчами. Составляя в 1979 г. 8,8 % населения Чукотского округа, чукчи, эскимосы, эвенки и чуванцы при пропорциональном представительстве в советах не могли оказать существенного влияния на решение вопросов, касающихся их жизни¹².

Анализируя проблемы самоуправления у народов Севера, В.А. Васильев и С.М. Малиновская отмечали, что значительная их часть осталась без собственных национальных автономий. Это саамы (Мурманская обл.), селькупы (Томская обл.), кеты (Красноярский край), тофалары (Иркутская обл.), нивхи, негидальцы, орочи, ульчи (Хабаровский край), нанайцы, удэгейцы (Приморский край), ительмены, алеуты (Камчатская обл.), нивхи, ороки (Сахалинская обл.), эвены (Магаданская и Камчатская области). Фактически в таком же положении оказались и те группы народов Севера (из числа семи, имеющих автономные округа), которые проживают вне пределов собственных округов, хотя порой на территории одной с ними области (края). Это ненцы в Лешуконском, Мезенском и Приморском районах Архангельской обл., манси в Свердловской обл., эвенки в Томской, Иркутской, Читинской, Амурской, Сахалинской областях, Красноярском и Хабаровском краях.

По существу были лишены автономии и те группы народов Севера, которые живут на территориях, автономных по своему статусу, но составляют там меньшинство среди титульных групп: нганасаны и энцы в Таймырском округе, ханты и селькупы в Ямало-Ненецком округе, эскимосы в Чукотском округе, эвены, эвенки, чукчи, юкагиры в Якутии, эвенки в Бурятии. В Республике Коми ненцы даже не выделялись в числе основных национальностей республики¹³. Между тем некоторые из этих групп достаточно многочисленны. Так, за пределами Ханты-Мансийского округа, по данным переписи населения 1989 г., проживало 47,2 % хантов и 22,4 % манси; 88,5% эвенков живут в различных областях и краях России, не имея национальной автономии, и только 11,5 % пользуются ею¹⁴.

По данным Приполярной переписи 1926/27 г. 48,5 % коренного населения Севера кочевало, остальные жили оседло, мелкими селениями из трех-семи хозяйств (селения в 15–20 хозяйств считались крупными и их имелось немного). За годы советской власти был осуществлен перевод на оседлость коренного населения, породивший немало проблем. Переход к оседлому образу жизни был связан с объединением мелких хозяйств коренного населения в колхозы и совхозы, которое зачастую проводилось насильственными методами¹⁵. В результате значительно уменьшилось число занятых в традиционных отраслях хозяйства – оленеводстве, морском зверобойном промысле и охоте. Если до 1950-х годов среди народов Севера практически не было городского населения, то в 1959 г. в городах жило 10,7 % коренного населения, а в 1989 г. – уже

26 %. По оценке Ю.Б. Симченко, на конец 1990-х годов в традиционных отраслях хозяйства было занято не более 15–20 тыс. чел.; еще примерно 2–2,5 тыс. чел. работали в административном аппарате, народном образовании, медицине, торговле, предприятиях связи, на стройках и в промышленности. Суммарно этот объем равен лишь половине всего трудоспособного населения малочисленных народов Севера¹⁶.

Если говорить о сохранении традиционной культуры как основы для самоуправления по этническому принципу, то сегодня лишь около 10% коренного населения занято оленеводством – единственной отраслью традиционного хозяйства, пока способной обеспечить воспроизводство традиционной культуры. Практически профессия оленевода остается единственной, которая поддерживает все остальные исконные занятия и определяет сохранение традиционных черт быта и культуры. Основная масса домашних оленей сосредоточена в тундровой зоне. Здесь практикуется крупнотабунное содержание животных, которым заняты саамы, ненцы, эвены, северные якуты, чукчи и коряки. Остальные жители Севера развивают оленеводство транспортного типа в тайге и на северной границе леса.

Оленеводство практически сохраняет старую национальную культуру у 15 тыс. аборигенов, которые вынужденно ведут кочевой образ жизни. Максимальное число домашних оленей по всей зоне Крайнего Севера составляет приблизительно 2,2 млн. голов. Эта цифра приблизительно соответствует современной оленеемкости тундровой части Севера и может поддерживаться на том же уровне либо за счет привлечения в кочевое хозяйство большего числа людей, либо за счет государственных дотаций на транспорт и зоотехнические мероприятия. В любом случае число людей, которое может быть вовлечено в занятие оленеводческим хозяйством, вряд ли способно превысить 20–25 тыс. чел. – примерно треть от всех трудоспособных. Однако число занятых в традиционных отраслях хозяйства не возрастает, а напротив, падает.

На сокращение рабочих мест в этих отраслях влияет сужение сырьевой базы из-за экологических нарушений. Только в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах в связи с освоением нефтяных и газовых месторождений безвозвратно потеряно 11 млн. га оленьих пастбищ, более 20 млн. га речных нерестилищ и нагульных участков, загрязнено более 100 больших и малых рек¹⁷. Еще один момент, определяющий положение с традиционной занятостью, – постоянное вытеснение аборигенов пришлым населением из рыболовного промысла, охоты и частично оленеводства. Все это ставит новые вопросы относительно целей и форм самоуправления. Рассмотрим те решения, которые были найдены в других странах Арктики.

Опыт скандинавских стран

В конце 1980-х годов общее число саамов оценивалось в 60 тыс. чел.: примерно половина жила в Норвегии, 17–20 тыс. – в Швеции, 5 тыс. – в Финляндии и 2–3 тыс. – в Советском Союзе¹⁸. Саамы составляли большинство населения лишь в 6 из 400 коммун северной провинции Финнмарк (Норвегия) и всего 1 – в Финляндии. Почти треть всех саамов (около 15–20 тыс.) жили в Финнмарке, где они составляли около 25 % населения¹⁹. В географическом и языковом отношении саамов обычно делят на четыре ареальные группы – северных, восточных, центральных и южных, языковые различия между которыми столь велики, что их считают самостоятельными языками. Многие саамы продолжают заниматься оленеводством, охотой и рыболовством. В XIX в. Швеция, Норвегия (состоявшие в унии, но имевшие разные законодательные и административные системы) и Великое Княжество Финляндское применяли разные стратегии в отношении саамов. Норвежские власти проводили ассимиляторскую политику: шведское правительство поддерживало социальную изоляцию коренных общин, обеспечивавшую консервацию традиционного уклада жизни; в Финляндии вопросы, связанные с саамами, по большому счету официально игнорировались.

Каждая страна в основном продолжала придерживаться избранной линии до второй мировой войны. В послевоенное время начался пересмотр этих подходов. Все три

государства постепенно признали особый статус коренного населения и заявили о своем обязательстве поддерживать саамские языки и культуру. На протяжении последних трех десятилетий развивалось конструктивное взаимодействие государственных служб и неправительственных организаций, представляющих саами.

Норвегия. Саамский язык был официально признан здесь в 1947 г. Королевская комиссия по саамскому вопросу в 1959 году постановила, что дети саамов имеют право обучаться на родном языке. С тех пор преподавание в первых трех классах для саамов велось на родном языке; норвежский изучался как предмет. В 1971 г. был создан Саамский литературный комитет, а в 1979 г. – Союз саамских писателей. В 1974 г. межправительственным Северным советом основан Северный саамский институт. С 1979 г. правительство начало субсидировать единственную в Норвегии саамскую газету. В 1975 г. создан Саамский Совет по образованию при Департаменте по делам религии и просвещения. С этого же времени существует Саамский культурный комитет при официальном Норвежском культурном совете. С властями тесно сотрудничает также созданная в 1948 г. Ассоциация норвежских оленеводов.

С начала 1990-х годов саамский наряду с норвежским считается официальным языком в шести коммунах Финнмарка²⁰. Государство финансирует саамскую культуру. В 1986 г. в Хаттфьелдалле был открыт Южный саамский культурный центр; в 1987 г. начал работу саамский театр в Каутокейно. Художники-саамы с 1987 г. получают правительственные гранты. Осенью 1989 г. в Каутокейно был открыт саамский колледж, в котором могут проходить обучение саамы из Швеции и Финляндии. В 1989 г. государственные расходы на саамскую культуру составили 200 млн. норвежских крон²¹.

Правительство создало несколько совещательных органов с участием саамов. В 1964–1987 гг. существовал Норвежский совет саамов. Его члены назначались королем по представлению саамских общественных организаций, а также властей шести северных провинций (фюльке) и девяти коммун. Проблемами саамов уполномочены заниматься две правительственные службы, созданные в 1980 г.: Комитет по правам саамов и Комиссия по культурным и образовательным проблемам саамов. Подготовленный в 1984 г. доклад Комитета содержал рекомендацию признать обязательство государства поддерживать саамскую культуру, рассматривать саамов как особый народ (без права на политическое самоопределение), признать особые права саамов на распоряжение ресурсами и использование территории, создать саамский представительный орган с совещательными функциями.

Все эти рекомендации были приняты, и 27 мая 1987 г. стортинг одобрил конституционные поправки (подсекция 100а Основного Закона), содержавшие признание «саамской этнической группы» (Folkegruppe) и обязавшие государство поощрять саамскую самобытность. Парламент 12 июня того же года принял «Саамский акт», который предусматривал создание «саамского парламента» (Sameting – Саметинг) в составе 39 чел. Он формировался на основе прямых выборов среди саамов, образующих особый электоральный список, в который были включены те, кто а) считают себя саамами и б) чей материнский язык саамский или кто имеет предков в первом или втором поколении, у кого родным языком был саамский²². Саметинг получил совещательные права – те, которыми пользовался Норвежский совет саамов. Некоторые министерства позднее передали саамской ассамблее часть исполнительных полномочий и возможность распоряжения определенными финансовыми фондами. Первые выборы в Саметинг были проведены осенью 1989 г.²³

Швеция. Система образования традиционно сегрегирована – для саамов существуют отдельные школы. Школьная система автономна и руководится Советом, избираемым саамами. С 1950-х годов детей саамов в начальных классах учат на родном языке. Законодательство не устанавливает ограничений на преподавание на саамском языке, однако реально для обеспечения среднего и высшего образования учебных материалов и преподавателей не хватает. В целях развития саамской культуры создан самоуправляемый Саамский фонд, поддерживаемый правительственными грантами.

Основной правительственный орган, уполномоченный заниматься проблемами саамов – Шведский комитет по правам саамов, создан в 1982 г. Именно он предложил образовать представительный орган, аналогичный норвежскому Саметингу²⁴.

Финляндия. В 1970-е годы саамский язык начал преподаваться в школах в местах компактного расселения саамов. В 1985 г. законом было закреплено, что саамский может быть языком обучения в северном регионе страны. Учебный план школ, где преподается этот язык, утверждается соответствующими муниципалитетами. Представительный орган саамов в Финляндии – Delegationen for samearender («Саамская делегация»), более известный под именем «Саамский парламент» (Sami Parlament), был создан в 1973 г. В его составе 20 чел., он формируется на основе не прямых выборов (через саамские организации) и выполняет только совещательные функции. Существует также Samedelegationen – «Саамская комиссия» – совещательный орган при премьер-министре: половина его членов представляет правительство, половина – «Саамскую делегацию». С 1978 г. работает специальная правительственная комиссия по земельным и водным правам саамов²⁵. В 1986 г. создан Консультативный совет по вопросам обучения саамов, состоящий из 10 членов, 6 из которых назначаются выборным органом саамов²⁶.

Гренландия. Наименее изученным остается гренландский опыт организации самоуправления у коренного населения. Из 55 тыс. населения аборигены здесь составляют 86%. Большинство населенных пунктов (их около 80) – небольшие по величине; даже в столице Нууке проживает всего 13 тыс. чел. Значительная часть территории остается малосвоенной в промышленном отношении, что облегчает решение земельных проблем и организации традиционного хозяйства. Самоуправление Гренландии было предоставлено датским правительством в 1979 г., однако формально Гренландия не имеет статуса автономии, поскольку, по Конституции, Дания остается унитарным государством, а самоуправление определено парламентским законом и не отражено в Конституции страны. По содержанию предоставленное самоуправление может быть отнесено к территориальному, так как коренное население не обладает предпочтительными правами перед другими жителями, но способно защищать свои права как эффективное большинство в ходе обычных демократических процедур (выборов, референдумов и т.п.). Под контролем датского правительства остались международные дела, оборона, финансовая политика, общее законодательство²⁷. В ведении парламента Гренландии находятся сферы образования и здравоохранения, экономического развития и местного налогообложения. Около 75% бюджета территории формируется за счет экономической помощи Дании. Парламент обладает правом вето на международные соглашения, затрагивающие интересы населения Гренландии²⁸. В Скандинавском совете, включающем представителей парламентов пяти скандинавских государств, два депутата представляют Гренландию.

Американский опыт организации самоуправления

Опыт США и Канады в решении проблем защиты прав коренного населения относительно хорошо изучен и описан в значительном числе публикаций, которые послужили основой для этого обзора²⁹.

США. Коренное население США, более половины которого проживает в 267 федеральных и 24 легислатурных (принадлежащих штатам) резервациях, насчитывает свыше 1.5 млн. чел. К 1980 г. в городах проживало 44.2% коренных жителей. Резервации – это особые административные единицы, включающие в себя земельные участки и населенные пункты, главным образом деревни, население которых составляет индейские территориальные общины. Таким образом, их можно сравнить с национально-территориальными образованиями советской России 1920-х годов. Однако индейские земли – собственность соответствующих общин. Отчуждение или продажа их сегодня невозможны без разрешения совета общины и подтверждения федерального правительства.

Эволюция политики США в отношении индейцев во многом напоминает описанные выше этапы «природнения» инородцев в России. Н.А. Лопуленко суммирует содержание этих этапов следующим образом: первый этап (XVIII–XIX вв.) – осуществление ассимиляторских целей путем переселения индейцев в резервации, лишение их земель для развития товарного сельскохозяйственного производства; второй этап (начало XX в. до 1945 г.) – попытки стимулировать ассимиляцию путем использования еще сохранившихся традиционных институтов, ориентация на индейскую общину и ее самоуправление³⁰; третий этап (1950-е годы XX в.) – политика терминации и релокации, усиление ассимиляционных процессов, ликвидация общин и опеки над ними в интересах монополий и крупного капитала; четвертый этап (1960–1970-е годы) – внимание к экономическому развитию резерваций силами индейского предпринимательства, центристская политика умеренной ассимиляции, восстановление опеки над общинами, помощь в становлении предпринимательства за счет удовлетворения территориальных претензий; пятый этап (с 1980-х годов) – переход от опеки к партнерству, сокращение государственных субсидий общинам, развитие в них частного предпринимательства, ограничение их прав³¹.

По мнению Н.А. Лопуленко, политика правительства США в отношении индейцев на всем ее протяжении преследовала одну цель – «сделать все возможное для ассимиляции коренного населения». С ее точки зрения, практически на всех этапах своего осуществления данная политика носила двойственный и непоследовательный характер. На мой взгляд, хотя бы отчасти это может объясняться тем обстоятельством, что защита индейских общин как корпоративных групп входила в противоречие с господствовавшими в политике и науке доктринами либерального индивидуализма, в силу чего преобладали то ориентация на включение индейцев в капиталистическую экономику на индивидуальном уровне (универсалистскую инкорпорацию), то идея опосредованного общиной включения коренных жителей в процессы экономического развития страны (так называемой эквивалентной, или сегментированной, инкорпорации).

Этот мучительный выбор стоит, по всей видимости, перед коренными народами всего мира, поскольку политические технологии самоуправления требуют от тех, кто их осуществляет, интеграции в современную глобальную политическую культуру, основанную на ценностях западного общества, тех самых ценностях, изначальное отрицание которых коренными народами и обусловило само их существование как особых образований. Анализ мирового опыта показывает, что наиболее успешным самоуправление оказывалось там, где лидеры общин сумели освоить современные политические технологии и тем самым оказались включенными в доминирующую политическую культуру.

Система резерваций не распространялась на коренное население Аляски, которое в 1980 г. насчитывало свыше 64 тыс. чел. (53% коренного населения Аляски составляли эскимосы; на юго-востоке, во внутренних районах и на юге Центральной Аляски сосредоточены индейцы (следующая по численности группа коренных жителей) – 34%; на юго-западе, вдоль п-ова Аляска и на Алеутских островах расселены алеуты – 12,7%)³². Это было связано в первую очередь с особенностями традиционного хозяйства, требовавшего сезонных миграций (охота на морских животных у алеутов и эскимосов; рыболовство в период нереста лососевых и сухопутная охота у всех групп). Избежать участи индейцев других штатов аборигенам Аляски помогло также то обстоятельство, что их земли не представляли интереса для крупного фермерского хозяйства. Хозяйство большинства семей коренных жителей Аляски, живущих в сельской местности, зависит от доходов от традиционных промыслов и работы по найму. Поскольку охота и рыболовство носят сезонный характер, часть населения работает в промышленности, но в большинстве своем на неквалифицированных работах³³.

Коренные жители Аляски впервые были законодательно выделены и получили особый статус только в 1971 г. в результате длительной борьбы за земли и компенсации. Государственный закон № 92-203 Конгресса США от 18 декабря 1971 г. «Об

удовлетворении земельных притязаний коренного населения Аляски» был принят после подробных определений и уточнений прав федерального правительства США и властей штата Аляска в связи с разработкой и получением доходов крупнейшей нефтедобывающей Арктической компании «Прадхобей». Закон о правах на земли от 1971 г. гласил, что «туземец Аляски – это гражданин США, который по крайней мере на 1/4 имеет кровь от индейца, эскимоса или алеута Аляски, или который, при отсутствии твердых свидетельств этого, обычно считался “туземцем” теми, от кого исходят правдоподобные сведения»³⁴. Закон в известной степени решил вопрос о земле и о денежных компенсациях за ее эксплуатацию. Создание Аборигенного фонда позволило решить проблему финансового механизма поддержки коренного населения. Закон создавал *региональные и поселковые корпорации аборигенов в качестве структур, определяющих самостоятельное хозяйственно-культурное развитие туземцев.*

В области государственной политики закон декларировал «справедливое урегулирование всех претензий коренного населения Аляски и его групп на основе требований аборигенного населения на землю», которое должно было осуществиться без промедлений и тяжб с какими-либо инстанциями. Фонд коренных жителей Аляски получил в виде финансовой компенсации от Конгресса США, властей штата и федерального правительства (отчисления от нефтяной и газовой промышленности) 962 млн. долл. В этот фонд, согласно закону, поступило 2% доходов от общей суммы сбыта минералов всеми предприятиями. Средства были вложены в создание на местах современных условий жизни для аборигенов. Практически последние выступили как совладельцы добывающих предприятий³⁵. Сумма компенсаций во много раз превышает доходы от традиционных занятий. Получателями компенсационных сумм стали 200 поселковых и 12 региональных корпораций аборигенного населения Аляски. Управление региональными корпорациями осуществлялось через совет директоров, которые в свою очередь являлись акционерами: корпорации получили право выпустить по 100 акций на каждого входящего в нее аборигена.

Это мероприятие преследовало цель вовлечения аборигенов в предпринимательскую деятельность и соответственно должно было повлечь за собой отказ от традиционных форм хозяйства, которые уступают свое место коммерческой деятельности, вложению акций в производство строительных предприятий и коммуникаций, связанных с низкой степенью риска, оптовой и розничной торговли, банковскому делу, небольшим предприятиям нефтегазовой индустрии, занятости в сфере рекреационных услуг и служб ремонта. Однако сегодня уже можно утверждать, что новые занятия не привились, поскольку были связаны с переменами не только образа жизни, но и идеологии, требовавшими серьезной психологической перестройки, реконструкции системы образования, т.е. коренной денационализации. После 20-летнего срока, предусмотренного законом в качестве переходного периода, передачи земли в частные руки не произошло; земля осталась в общественном пользовании региональных и общинных корпораций. Известный отечественный северовед Ю.Б. Симченко, оценивая этот опыт, делает вывод о «невозможности следования аналогичным программам, если ставится целью обеспечить подлинную самостоятельность коренного населения»³⁶.

Канада. Вплоть до 1970-х годов федеральные власти Канады руководствовались в своей политике по отношению к коренному населению стратегическими целями ассимиляции и интеграции этих народов в доминирующее общество. Некоторые ассимиляторские положения канадского законодательства были устранены Индейским актом 1951 г. По переписи 1981 г., в которой все коренное население делилось на четыре категории: официально зарегистрированных, или «статусных», индейцев, нестатусных индейцев, эскимосов и метисов, его общая численность достигала немногим более 500 тыс. чел.³⁷

До начала 1980-х годов политические требования коренных народов в области самоуправления не встречали поддержки со стороны правительства Канады. Лишь принятым в декабре 1981 г. Актом о Канаде³⁸ было предусмотрено проведение конституционной конференции, посвященной правам коренного населения и закреплению

этих прав в канадской Конституции. На четырех последовавших за этим конституционных конференциях 1983–1987 гг. особого прогресса достигнуто не было. Однако созданная парламентом в 1983 г. Комиссия по индейскому самоуправлению все же рекомендовала в своем докладе осуществить закрепление в Конституции страны законодательной власти общинных советов в таких сферах, как образование, социальное обеспечение, местное налогообложение и некоторых других, традиционно находившихся в ведении провинциальных властей³⁹.

Существенные изменения позиции канадского правительства относительно самоуправления коренных народов произошли, однако, десятилетием позже – в начале 1990-х годов, когда идея передачи поселкам многих функций управления стала широко обсуждаться и получила поддержку общественности и некоторых региональных правительств. И хотя поправка к Конституции о самоуправлении, вынесенная на референдум в 1992 г., не получила поддержки, тем не менее было достигнуто и подписано соглашение между федеральным, провинциальными, территориальными правительствами и вождями коренных народов, в соответствии с которым намечались пути согласования позиций в таких важных областях, как образование, язык, здравоохранение, религия, решение жилищных проблем и проблем землепользования.

Помимо этого результата длительные, растянувшиеся на 15 лет переговоры инуитов по удовлетворению их территориальных претензий в Северной и Восточной Арктике завершились подписанием соглашения с федеральным правительством о выделении из Северо-Западных территорий региона площадью около 2 млн. км² для организации инуитской территории Нунавут, где инуиты составляют численное большинство (около 90%) из 18 тыс. чел. ее населения. В 1999 г. 18% этой площади (около 350 тыс. км²) перешло под непосредственное их самоуправление. Кроме того, инуиты получили права на минеральные ресурсы на площади в 35 тыс. км² и компенсацию за отказ от дальнейших территориальных претензий в 1 млрд. долл., которая будет выплачиваться в течение 14 лет.

Если иметь в виду такие специфические формы самоуправления, как дополнительные коллективные права, получаемые коренным населением в результате договоров о землепользовании, то необходимо отметить уже имеющийся опыт самоуправления в небольшой (около 3,5 тыс. чел.) группе канадских эскимосов – инувалуитов, которые проживают в шести поселках Западной Арктики (в основном в дельте р. Маккензи) и которые еще в 1984 г. после 10-летних переговоров получили исключительные права на землю общей площадью около 35 тыс. миль², в том числе и права на недра на площади в 5 тыс. миль². Субъектом договорных отношений здесь стала региональная корпорация, объединяющая всех представителей данной группы. В соответствии с достигнутым соглашением инувалуиты получили до 1997 г. освобожденные от налогов компенсационные выплаты в размере 170 млн. долл. за отказ от дальнейших земельных притязаний.

Некоторые итоги

Рассмотрение опыта организации самоуправления у различных коренных народов циркумполярных государств позволяет заметить своеобразие ситуации, в которой находятся коренные народы Сибири и Севера России. Свообразие это заключается в том, что практически ни в одном из округов (в отличие от ситуации коренного населения во многих административных единицах на Аляске, Северо-Западных территориях Канады и в Гренландии) коренное население не составляет большинства, что существенно затрудняет решение ряда проблем, связанных с организацией самоуправления, и заставляет ориентироваться на поиск нестандартных решений. Кроме того, общая экономическая ситуация в России сегодня не позволяет надеяться на то, что правительство сумеет найти средства для значительных дотаций и компенсаций, которые позволили бы смягчить последствия от сужения естественной базы традиционного хозяйства.

В ситуации, когда перенос «готового опыта» богатых стран оказывается невозможным, начинают выглядеть более привлекательными быть может не столь эффективные, но найденные в сходных обстоятельствах решения в странах третьего мира и в самой России – в ее прошлом и настоящем. В частности, остается неизученным опыт организации крупнотабунного животноводства в условиях экономических реформ в Монголии, который мог бы пригодиться для решения некоторых проблем, встающих перед теми общинами коренного населения, которые ориентированы на традиционное хозяйство, связанное с сезонными перекочевками. Не лишен интереса для организации самоуправления у народов Севера и опыт более крупных народов Сибири (алтайцев, бурятов, хакасов, якутов)⁴⁰, а также опыт организации различных форм автономии у меньшинств как в России, так и за рубежом. Наконец, необходимо отказаться от двух черт российской национальной политики, принесших столько вреда и народам, и авторитету центральной власти, – *универсализма* (попыток найти одно решение для всех народов и местностей) и *финализма* (попыток найти сразу окончательное решение, вместо взвешенного и постепенного продвижения к стратегическим целям).

Примечания

¹ Об этом подробнее см.: *Соколовский С.В.* Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // *Этнограф. обозрение.* 1998. № 3. С. 74–89.

² *Аришин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* 1997. № 105.

³ Полный свод законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. С. 394–411.

⁴ Федерализм // *Энциклопедический словарь.* М., 1997. С. 231.

⁵ О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины Союза ССР. Декрет ВЦИК и СНК от 31 августа 1925 г.

⁶ *Соколова З.П.* Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // *Социально-экономическое и культурное развитие народов Сибири и Севера: традиции и современность.* М., 1995. С. 34–36.

⁷ Утверждено декретом ВЦИК и СНК от 25 октября 1926 г.

⁸ *Увачан В.И.* Годы, равные векам. М., 1984. С. 108, 116.

⁹ *Кузнецов А.И.* Этносоциальная ситуация на Крайнем Севере России // *Этносоциальная ситуация и этнические процессы в Индии и СССР.* М., 1993. С. 136–144.

¹⁰ *Собрание Узаконений РСФСР.* 1936 г. № 6. С. 27.

¹¹ *Кузнецов А. И.* Указ. раб. С. 136–144.

¹² Итоги выборов в состав местных советов народных депутатов РСФСР. 1982 г. Стат. сб. М., 1983.

¹³ В соответствии со ст. 3 Конституции этой республики (1995 г.) «коми народ» является «источником государственности Республики Коми», а политика государства «направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизненного уклада коми народа в соответствии с международными нормами и принципами, действующими в отношении коренных народов».

¹⁴ *Васильев В.А., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* 1993. № 54.

¹⁵ Подробнее об особенностях мышления, породивших миф о вреде бытового кочевания, см.: *Соколовский С.В.* Мифология единого мира и регионализм: территории, культуры, народы // *Этика Севера.* Т. 2. Томск, 1992. С. 78–98.

¹⁶ *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России: Проблемы, прогноз, рекомендации // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* 1998. № 112. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ *Hannum H.* *Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination. The Accomodation of Conflicting Rights.* Philadelphia, 1990; second printing – 1992. P. 245; по данным переписи 1989 г., в СССР проживало 1835 саамов.

¹⁹ *Hannum H.* *Op. cit.* P. 247–250.

²⁰ *Эйде А.* Защита меньшинств. Возможные пути и средства облегчения мирного и конструктивного решения проблем, связанных с меньшинствами. Доклад, представленный г-ном Асбьерном Эйде. Б.м., 1993. С. 53.

²¹ *Berg Simonsen M.* *Norwegian Cultural Policy.* Oslo, 1990. P. 67.

²² *Berg Simonsen M.* *Op. cit.* P. 67; *Hannum H.* *Op. cit.* P. 254.

²³ Эйде А. Указ. раб. С. 53.

²⁴ Hannum H. Op. cit. P. 254–255.

²⁵ Ibid. P. 255–256.

²⁶ Эйде А. Указ. раб. С. 44.

²⁷ Dahl J. Greenland: Political Structure of Self-Government // Arctic Anthropol. 1986. V. 23. P. 315–321.

²⁸ Lyck L. The Danish Home Rule Model: the Faroe Islands and Greenland // Management, Technology and Human Resources Policy in the Arctic. Dordrecht etc.: Kluwer, 1996. P. 117–139; Hannum H. Op. cit. P. 341–346.

²⁹ Из отечественных можно рекомендовать следующие относительно недавно опубликованные работы: Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990; Попков Ю.В., Бойко В.А. Политико-правовой статус коренных народов Севера. Новосибирск, 1997 (разд. 2.2 и 3.2); Белоусова Е.В. Правовое положение коренного населения Канады // Правоведение. 1989. № 3. С. 53–57; Лопуленко Н.А. Американский опыт урегулирования проблем коренного населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1996. № 97.

³⁰ Существует обоснованное мнение, что принятие в 1934 г. Индейского реорганизационного акта и закона об индейском самоуправлении, создавало препятствия для ассимиляции, однако, по замыслам творцов этого законодательства, его финальной целью, как подчеркивал один из руководителей Бюро по делам индейцев Д. Коллиер, была «полная, подлинная, но почетная, проходящая на самом высоком уровне интеграция индейцев в основной поток американской жизни» (New York Times. 1950. March 12. Цит. по: Стельмах В.Г., Тишков В.А. Статус аборигенов и индейская политика правительств // Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 93–94). Видимо, это обстоятельство препятствовало Н.А. Лопуленко выделить 1930-е годы и политику «нового курса» Ф. Рузвельта в самостоятельный период в политике правительства США в отношении индейцев.

³¹ Лопуленко Н. А. Указ. раб. С. 9.

³² 1980 Census of Population. V. I. Ch. A. Number of Inhabitants. Pt. 3. Alaska. Wash. 1981.

³³ Лопуленко Н.А. Указ. раб. С. 4–5.

³⁴ Birch E.S., Jr. The Land Claims Era in Alaska // Handbook of North-American Indians. V. 5. Alaska. Wash., 1984. P. 659 (Цит. по: Лопуленко Н.А. Указ. раб. С. 5).

³⁵ Симченко Ю.Б. Указ. раб. С. 4–8.

³⁶ Там же. С. 7.

³⁷ 1981 Census Highlights on Registered Indians: Annotated tables. Ottawa, 1985. P. 5 (Цит. по: Коренное население Северной Америки. М., 1990).

³⁸ The Canadian Constitution 1981. A Resolution Adopted by the Parliament of Canada. Ottawa, 1981.

³⁹ Indian Self-Government in Canada: Report of the Special Committee. Ottawa, 1983. Оценку и анализ этого и некоторых других документов см. в упомянутых выше публикациях Е.В Белоусовой (с. 56–57); Ю.В Попкова, В.А. Бойко (с. 37–41), а также в сб. статей: Коренное население Северной Америки. М., 1990. С. 120–121), а также в: Magnet J. Constitutional Law of Canada. V. 1–2. Toronto, 1985.

⁴⁰ Напр., законы «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» (Якутия, 1992 г.); «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» 1997 г.; «О правовом статусе эвенкийских сельских (поселковых) советов народных депутатов на территории Бурятии» (1991 г.) и др.

S. V. S o k o l o v s k y. Self-determination and self-government of aboriginal peoples

Within these problems the author takes into consideration such issues, as the evolution of self-government in Russia and world experience of self-determination. The examples of Scandinavian countries, the USA and Canada illustrate the author's views.